

Иван-царевич и С. Золк. или
В чужой монастырь со своим самоваром

ПОХИЩЕНИЕ ЕЛЕНЫ

СВЕТЛАНА БАГДЕРИНА

4

Иван и Серый разбросаны бурей по разным концам Стеллы. Чтобы найти друг друга, им придется встретиться с горгонами, сразиться с химерами, побывать в лабиринте царя Миноса, вернуть Золотое руно, похитить золотое яблоко бессмертия из сада Десперад и даже осадить Трилион. Их дружбу не смогла разорвать даже смерть. Окажется ли это под силу Елене Прекрасной?..

Из серии «Былины Белого Света».

Светлана Багдерина

Похищение Елены

*Жизнь прекрасна, но
удивительна.*

**Гарри
Мини-сингер**

Море!

Под ними, на сколько глаз хватало, простиралось бесконечное, как лукоморская тайга, море.

Иванушка сказал, что это еще не самое маленькое, что бывают и побольше, и даже совсем большие, которые называются океанами. На что Серый заявил, что для него и этого хватит, поскольку берега не видно уже с полчаса, а на эти волны смотреть — тошнить начинает, и что спасибо, больше ему не надо. А про океаны не забудьте напомнить ему еще, чтобы не запомнить, чего он видеть не хочет ни при каких обстоятельствах, и вообще, если бы он знал, что это ваше море такое большое, мокрое и колыхающееся, он бы настоял на Шартр-аж-Шетхе, или как он там. Тогда царевич поспешил его успокоить, пообещав в скором будущем огромное количество самых разнообразных островов, которые, практически находятся в виду друг друга, и что, если

постараться, от одного до другого можно добросить что-нибудь тяжелое. На этом Волк немного утешился, улегся на спину, скрестил руки на груди и закрыл глаза.

И поэтому не увидел того момента, когда на них свалился человек.

Иван глаз не закрывал, но тот факт, что он стал этому свидетелем, ясности в вопрос далеко не внес. Скорее, совсем наоборот. Просто совершенно внезапно в чистом солнечном небе стала расти и увеличиваться в громкости точка, пока не превратилась в полураздетое человеческое существо, запутавшееся в своих собственных руках и ногах в попытке то ли взлететь, то ли уцепиться за что-то.

Для старого Масдая это тоже стало неприятным сюрпризом.

— Это обязательно надо было уронить мне на спину с такой силой? — недовольно прошуршал он. — Непонятно, чем вы там только занимаетесь, пока... Третий?! Он что — с солнца упал? Всегда знал, что в этой Стелле приличным коврам-самолетам делать нечего!

Незнакомец, спружинив на Масдае, как на батуте, шлепнулся рядом с Серым и остался лежать с закрытыми глазами. Лицо его приняло торжественно-скорбное выражение.

Зато подскочил застигнутый врасплох Волк.

— Дай ты умереть мне спокой... Но.

Взгляд на Иванушку. Взгляд на незваного гостя.

— Это кто? — почему-то шепотом спросил он.

— Не представился, — также шепотом ответил царевич.

— А что он тут делает?

— Лежит?

— Спроси его, чего ему тут надо.

Иванушка на мгновение сосредоточился, потом откашлялся и нараспев торжественно произнес:

— Юноша бледный, поведай, зачем ты явился; в небе парил ты зачем, облака попирая ногами?

Самозванный пассажир открыл один глаз — второй распахнулся сам при виде лукоморской парочки, и на лице его отразилось непонятное сомнение, смятение чувств в комплекте с легким испугом. Он поморгал, хотел что-то сказать, но почему-то передумав, сначала беззвучно пошевелил губами минут с пяток и наконец осторожно ответил:

— О, лучезарные боги, чей лик затмевает солнца сиянье и звезд многочисленный рой. Имя не знаю я вашего, горе мне, горе — смертного жалкого просьба в сердцах не винить. Звать меня —

скромный Ирак, сын Удала, внук Мирта. Дед мой прославлен в веках был...

— Короче, стеллянин, — нетерпеливо махнул рукой Серый. — Давай про себя.

Стеллиандр замолк на полуслове и с потяжелевшим в момент испугом глянул на Волка.

— В час развлечения, досуга, за пенною чашей с радостью слушать мы будем историю твою, — почти тут же поддержал его Иван, гордый своим экспромтом.

— Боги мои, пожалейте... Мой отец... Отец мой — архит... зодч... строитель известный. Строил он лабиринт... запутан... строенье одно... на острове Мине... — и в сторону, отчаянно: «Боги милосердные, помогите попасть в размер... Пять минут, как мертв — и уже такое позорище... Эх, говорила мне матушка — учи литературу...»

— Как ты сказал? — недоверчиво склонился над ним Иван.

— Что? — уточнил Ирак.

— Всё! Ты говорил не... ритмически организованными высказываниями! — обвиняюще прищурился царевич.

— У меня в школе любимым предметом была физкультура! — оправдывался Ирак. — А когда проходили Эпоксиды, я болел! А из Демофона я вообще смог запомнить только «Си вис пацем — смит-и-вессон»!

— Парабеллум, — машинально поправил его Иванушка.

— Так вы, стеллиандры, не говорите этими дурацкими стихами без рифмы? — все еще недоверчиво уточнил Серый.

— Нет. А вы?

— Что мы — похожи на этих... Домофонов? — покрутил пальцем у виска Волк с явным облегчением.

— Не похожи, — не очень уверенно согласился Ирак. — Но вы же боги! А боги должны разговаривать, как писал Эпоксид. Я же читал!..

Непонятно почему, Серый хрюкнул, быстро отвернулся и, закрыв лицо руками, стал издавать загадочные звуки. Иван же, наверное, понял, потому что покраснел, снова откашлялся, и только тогда обратился к новому знакомому:

— Извини, но, по-моему, ты нас с кем-то путаешь.

— Путаю?

— Да. Путаешь. Мы не боги.

— Не боги?

— Нет.

— То есть вы хотите сказать, что по небу, кроме нас с отцом, каждый день летает полно народу, которому просто надоело ходить по земле?

— Ну не совсем...

— И эти летающие люди чудесным образом

спасают... Я ведь не мертвый? — с опаской быстро ощупал себя Ирак и, успокоившись, продолжил: — ... спасают злосчастных стеллиандров от верной гибели через расплющивание в очень тонкую лепешку о поверхность моря?

— Ну...

— И носят такие загадочные одежды, какие простому смертному и не придумать во век?

— Я же говорил тебе, что эта штучка с кружевами должна одеваться не поверх этой ерундовины с перьями! — прошипел Волк.

— Ну...

— Ах!.. — воскликнул вдруг стеллиандр и захлопнул себе рот обеими руками. — Простите меня!.. Простите, простого смертного, ибо не догадался я, что вы — боги превращенные! Простите меня за дерзость!!! — хлопнулся он на колени. — Если бог не признается, что он — бог, значит, он путешествует инкогнито! Так Ваната превращалась в ткачиху, Филомея — в пастушку, Меркаптан — в купца, а Дифенбахий... Впрочем, проще сказать, в какое стихийное бедствие он еще не превращался, да умножатся его молнии до бесконечности!

— Да ты чего, парень, на солнышке перегрелся? — попытался поднять его на ноги Волк. — Ну ты посмотри, какие мы боги?

— Неузнанные, — настаивал на своем Ирак.

— Да мы же эти... простые смертные... как ты!

— Они, когда превращаются, всегда так говорят. Зачем богу, который превратился в смертного, чтобы его не узнали, признаваться в том, что он — бог? И если вы не боги, — сын архитектора хитро взглянул на лукоморцев, — то как летит по воздуху эта чудесная портьера, а?

Это была капля, переполнившая чрезвычайно маленькое и мелкое блюдечко терпения ковра.

— Сам ты — занавеска! — обиженно огрызнулся Масдай, повергнув бедного юношу в шок и на колени. — Сперва валится с неба, как мешок с кокосами, чуть не пробивает дыру — про грузоподъемность меня здесь кто-нибудь спросил? — а теперь еще и обзывается!

— Сильномогучие боги Мирра... простите неразумного... смертный... не дано... — Ирак — образец раскаяния — попытался постучать загорелым лбом о Масдая, чем вызвал новый приступ громко озвученного недовольства.

Друзья переглянулись. После такой «ковровой бомбардировки» надежды убедить стеллиандра оставить свою бредовую идею насчет их сверхестественного происхождения не было.

— Ну бог с тобой, — устало махнул рукой Волк. — Боги мы, боги. Только не скажем, какие, потому что переодетые. А теперь ты не мог бы

встать и рассказать, что ТЫ тут делаешь?

Ирак горячо замотал головой:

— Не встану. Рассказывать я и так могу. Отец мой — знаменитый зодчий Удал. Были мы с ним на острове Мин — он возводил лабиринт для чудовища царя Миноса, а я ему помогал. Но после окончания...

— Не гуди мне в ухо, — глухо пробурчал ковер.

Парнишка мгновенно выпрямился, но без запинки продолжил:

— ...работы царь отказался нас отпускать, и продержал пленниками на Мине десять лет. Тогда мой отец — гениальный изобретатель — придумал сделать крылья из перьев больших птиц, и сегодня мы вылетели с постылого острова, чтобы снова обрести свободу. Но, кажется, я что-то прослушал, когда отец объяснял мне устройство этих крыльев, и когда набрал высоту, не сумел остановиться и лететь вдоль поверхности моря, как учил меня папа. Получалось только подниматься. А вперед меня нес ветер. И я поднимался, пока солнце не расплавало воск в моих крыльях и они не развалились по перышку... Бедный, бедный папа — он, наверное, подумал, что я погиб... Он и предположить не мог, что вмешаются миррские боги, могучие боги, — Ирак украдкой покосился на лукоморцев, — явятся во всей своей славе и сиянии, и белый свет

померкнет перед их величием и великолепием, и они снизойдут до меня — недостойного...

— Ну опять зарядил... — простонал Волк.

— А почему ты назвал царя Миноса чудищем? — полюбопытствовал Иванушка, отчасти надеясь перевести мысли стеллиандра на что-нибудь другое.

— Чудищем? Я не назы... Ах, это... Ха-ха... — он натужно растянул губы в чем-то, что должно было изобразить, по-видимости, улыбку. — Всеведущие боги изволят шутить.

— Слушай, смертный, — ласково обратился к нему Волк, нежно заглядывая в глаза, и Ирак понял, что с этого момента слово «смертный» могло приобрести для него очень много совершенно ненужных наречий, таких, как «определенно», «внезапно» или «чрезвычайно болезненно».

— Угх... — наконец сморгнул он.

— Если ты еще раз назовешь нас богами, или хотя бы намекнешь об этом... Что тут у вас случается с...

Неизвестно, откуда взявшийся сильный порыв ветра сбил Серого с ног. Падая, он уронил царевича, который, в свою очередь, с прирожденной ловкостью повалил на Масдая стеллиандра.

— Ешк...

— Ой...

— Боги...

Что сказал по этому поводу Масдай, осталось неизвестным, так как небо взорвалось и разлетелось молниями на мельчайшие кусочки. Воздух посерел, из глубин его вскипели черные тучи, перемешиваемые ураганом, и ударил дождь.

Волк ухватился за передний край ковра что было сил, и проорал:

— Масдай! Ищи землю!

— Сергей!.. Ты здесь?.. — донеслось до него с попутным торнадо.

— Здесь!.. Держись!.. — он попробовал оглянуться через плечо, но, получив с ушат воды прямо в лицо, быстро отвернулся.

— ...усь!..

— Ирак! Ты здесь? — выкрикнул снова Иван.

— Помогите!!! Я не могу удержаться!!! Тут скользко от воды!.. Я сейчас упаду!..

— Держись, я помогу!

Царевич выпустил из рук спасительный край Масдая и пополз к теряющему силы Ираку, в кромешной тьме пытаясь нащупать его и отплевываясь от неожиданно холодного дождя, потоками низвергавшегося, казалось, исключительно на него.

— О, боги! Я больше не могу! Спасите меня!..

Ковер тряхнуло, он накренился вправо, влево, вперед, стал падать, но снова выправился, и снова

завалился налево...

— Помогите!!!..

— Держи руку!.. — и тут при последнем маневре Иванушку швырнуло прямо на голову Ираку.

— Держу! Спасибо-а-а-а-а-а-а-а-а!!!..

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!..

Но Серый так и не услышал два отчаянных удаляющихся крика за краем ковра среди ревущей стихии.

Гора мышц, слегка прикрытая небольшим клочком белой материи, пошевелилась — это Трисей оторвался от точения меча, провел по краю лезвия ногтем, и оно запело, почуяв руку хозяина.

— А скажи, капитан, всегда ли так быстро меняется погода в этих местах? — проговорил он, в который раз с детским удивлением окидывая взглядом лазурный небосвод и зеленую воду моря.

— Честно говоря, такое я видел в первый раз, — покачал головой капитан Геофоб. — Бури на море не в диковину, это понятно, но чтобы одно мгновение был штиль, а через секунду — ураган — такого я не припомню.

— Злосчастные Каллофос и Никомед... — вздохнул Трисей. — Как некстати забрали их к себе нереиды...

— За бортом ничто не могло выжить в этом хаосе, — согласился с ним капитан. — Но зато

теперь они, благородные юноши из богатых семей Иолка, несомненно вкушают нектар и амбросию из рук изумрудноволосых дочерей Нерея, а это значит...

— А это значит, — угрюмо договорил за него Трисей, — что мы привезем на Мин не семерых юношей, а только пять, и имя нашей славной родины навеки покроется позором бесчестия.

— Капитан, — подбежал запыхавшийся, бледный матрос. — У нас больше нет парусов.

— Как нет? — нахмурился Геофоб. — А вторая пара, которую мы всегда храним в ящике из-под канатов? Или его тоже смыло?

— Нет, капитан, но они же черные — помните, мы специально их взяли, чтобы оповестить царя Эгегея о том, что чудовище сожрет его сына, царевича Трисея, да приумножат боги его годы!

— Болван!

— Можно, я ему отрежу уши, капитан?

— Ай!

— Можно.

— Ай-ай-ай!

— Человек за бортом!!!

— Ай-яй-яй-яй-яй-яй-яй!

— Два человека за бортом!!!

— Ой! Это наши земляки! — и бедолага матрос, ловко вывернувшись из туники, зажатой в

пудовом кулаке Трисея, проявил чудо героизма, бросившись в воду и быстро-быстро поплыв навстречу двум головам, то появляющимся, то исчезающим в легких волнах метрах в сорока от корабля.¹

Через полчаса две бледные, изнемогающие фигуры, с трудом перевалившись через борт корабля, оказались на палубе. Один-единственный взгляд на них начисто опровергал новомодную теорию чернокнижников Шантони о том, что тело на девяносто процентов состоит из воды. Они были прямым доказательством стопроцентного содержания H₂O в теле человека. Причем она там долго не задерживалась, а бурными потоками изливалась с волос, лиц и одежды на палубу, очень быстро формируя небольшой заливчик, в котором уже даже плескалась веселая рыбка, выпавшая, очевидно, из рукава камзола Ивана.

Вокруг них тотчас же собралась, побросав весла, вся команда.

— Это не Каллофос!..

— И не Никомед!..

— Определенно не Никомед...

— Он бы уже орал во все горло, спрашивая

¹ Хотя при нынешнем состоянии дел он проявил бы чудо героизма, оставшись на борту триеры рядом с царевичем.

вина и мяса.

— Хотя вон тот на Каллофоса очень похож.

— Но если этот не Никомед, значит, тот — не Каллофос. Этот логика.

— Ага, умный нашелся!

— А если этот — Каллофос?

— Ты меня запутать хочешь?

— Нет, что ты. Просто спрашиваю.

— Какие забавные педилы...

При этой фразе Иванушка пришел в себя. И тут же из него вышел.

— Это кто тут педила? — утирая мокрым рукавом с лица остатки моря неприветливо поинтересовался он. — От педилы слышу!

— Он еще бредит...

— Дайте им воды!..

— Не надо!!! — тут пришел в чувства и Ирак.

— Кто вы, незнакомцы? — раздвинув толпу, как ледокол, вперед выступил темноволосый юноша размером с трех. — Как оказались вдали от берега? И не встречали ли там, в морской пучине, наших товарищей — Никомеда и Каллофоса?

Пока царевич задумался над этой чередой вопросов и честно попытался припомнить в бушующей воде что-то такое же мокрое, напуганное и отчаянно бултыхающееся, как они с Ираком, молодой стеллиандр, у которого, казалось, мозги с языком были связаны напрямую, уже

пустился в пространные разъяснения, снова начав с дедушки Мирта. Впрочем, его история, кажется, вызывала неподдельный интерес всех собравшихся.

Всех, кроме одного.

Молодой мускулистый здоровяк, первым спросивший, кто они, стоял, в мучительном раздумье наморщив лоб, к таким упражнениям, явно непривычный. Когда Ирак, минут через сорок, дошел до раннего детства своего отца, мыслитель тоже наконец-то пришел к какому-то выводу и тихонько вытащил пожилого моряка в сиреневой тунике из круга стеллиандров, как всегда, падких до историй с продолжением.

— Послушай, Геофоб, — обратился он к нему. — Я знаю, как спасти честь Иолка.

И что-то забубнил ему прямо в ухо. До Ивана лишь обрывками доносилось:

— ...не тех... ...бросить обратно... ...вернет наших...

— ...нет, Трисей, этот план...

— ...почему это?..

— ...воля богов... ...предназначение...

— ...предлагаешь...

— ...лучше...

— ...не захотят?..

— ...синий пузырек... ...в вино...

— ...не похож...

— ...все равно...

- ...спешить...
- ...через час...
- ...быстрее...
- ...педилы...

Минут через десять, когда Ирак уже описывал второе замужество своей матушки, толпа матросов снова расступилась, и к потерпевшим коврокрушение подошли те, кого называли Геофобом и Трисеем. В руках они несли ворох сухой одежды и полотенце, блюдо с хлебом и мясом — и амфору.

Парой быстрых фраз капитан отослал матросов на весла, а Трисей пассажиров — на нос.

С удовольствием переодевшись в новые хитоны,² собратья по несчастью моментально умяли принесенную заботливыми иолкцами еду, запив сильно разведенным, с горчинкой, вином из маленькой черной амфоры. И как раз вовремя.

— Земля! — закричал самый зоркий из моряков. — Через час мы будем там!

— Через час мы будем где? — поинтересовался царевич у Геофоба.

² Царевич не без облегчения скинул свой замысловатый мюхенвальдский придворный костюм, оставив, естественно, лишь чудесным образом оставшиеся сухими волшебные сапоги.

— Там, — кратко махнул он рукой.

— Где — там? — забеспокоился почему-то Ирак. — Где — там?

— На Мине, — нахмурился Трисей. — А как вы себя чувствуете?

— Спасибо, хорошо, — удивленно отозвался Иванушка. — А что?

— И голова у вас не кружится?

— Трисей! — украдкой Геопод попытался наступить герою на ногу, но с таким же успехом он мог пытаться попинать слона.

— Нет. Мы выпили не так уж и много. А с какой целью ваше судно идет на Мин, капитан Геофоб?

— В гости.

— По делу, — хором ответили иолкцы.

— Откуда вы, мореплаватели? — вдруг отчего-то встревожился Ирак.

— Из Иолка, — нехотя ответил Трисей, настороженно вглядываясь в лицо любопытного пассажира. — А что?

Лицо любопытного пассажира посерело, потом побледнело, затем позеленело, да таким и решило, видимо, пока остаться.

— Из Иолка!!! Если вы действительно из Иолка, то на Мине у вас может быть только одно дело...

— Какое? — заинтересовался Иванушка.

— И боги забрали у вас двух человек...

— Какое дело?

— И тут появились мы...

— Да какое же дело, Ирак?!

— Минозавр!!! — выкрикнул юноша, и если бы Иван не ухватил его за ноги, в мгновение ока перемахнул бы за борт.

— Ирак, ты куда? Кто такой Минозавр? Кто это? — тряс нового знакомого за тунику Иванушка, стараясь добиться от него ответа. — Что происходит? Да скажи же ты!

Но Ирак не отзывался. Глаза его остановились, лицо приняло довольно-туповатое выражение, и с блуждающей полуулыбкой он лениво опустил на палубу.

— Ирак, что с тобой? Ему плохо? — испуганно взглянул на Геофоба царевич.

И тут у него закружилась голова.

Остальное происходило как во сне.

Вместе с остальными иолкцами — девушками и юношами в черных хитонах, общим числом четырнадцать — Ивана и Ирака вывели на берег, где их встретили суровые бородатые люди в доспехах. Они забрали у Трисея меч, чему Иванушка вяло удивился — ему казалось, что проще у предводителя иолкцев было отобрать его руку или ногу... Потом по живому коридору из странно одетых молчаливых людей под звуки

заунывной музыки их повели куда-то, где перед каменной статуей сурового мужчины долго окуривали чем-то чихательным и обрызгивали чем-то красным и теплым, что взяли из только что убитого быка... Наверное, это была кровь... Иолкцы, все, кроме Трисея, отчего-то плакали и причитали... И кроме Ирака... Наверное, потому, что он не иолкец... Потом статуя ожила, подошла к ним и что-то начала говорить... А может, это просто был похожий на нее человек... Смешно... Человек, похожий на свою статую... Или статуя, похожая на своего человека?... Трисей, набычившись и скрестив руки на груди, стоял и слушал человека-статую, хотя Иванушке было чрезвычайно удивительно, почему он его не ударит, ведь ему этого так хотелось, это же было видно разоруженным... безоружным... невооруженным... глазом. Потом, когда всё это царевичу слегка поднадоело, всех их, подталкивая остриями копий, бородатые солдаты в шлемах со щетками³ погнали куда-то дальше... Куда — какая разница... Ему и тут было неплохо... И там будет тоже хорошо... И чего только эти слезоточивые иолкские парни и девчата так расстраиваются? Смешно... Вот,

³ Совсем, как солдатики в детстве. Интересно, а что у них на задах написано?

например, когда они с Трисеем проходили мимо одной очень красивой местной девушки в розовом балахоне, она совсем не плакала... А даже украдкой сунула герою большой клубок, шепнув: «Привяжи конец в лабиринте — он тебя выведет!»... Значит, они идут в лабиринт. Смешно... Как конец, если его привязать, может куда-то вывести? И конец чего?... А у них в Лукоморье на ярмарку тоже приезжал лабиринт... Вместе с комнатой смеха... У нее перед входом было написано что-то вроде: «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива»... А еще там наездник разгонялся и скакал по верхней половинке громадного деревянного шара... И не падал... Хотя так все этого ждали. Смешно... А еще приезжали...

Вдруг раздался страшный рев — как будто прайд голодных львов наткнулся на стадо бешеных буйволов — перекрываемый визгом и воплями обезумевших иолкцев и боевым кличем Трисея, который тоже не всякое тренированное ухо выдержит. Какофония вырвала Иванушку из плена воспоминаний и пинком швырнула прямо в объятия мрачной действительности. Мрачной в прямом смысле этого слова — за то время, пока царевич предавался ностальгии, их группа успела попасть из душного светлого храма в душное темное подземелье. Редкие факелы в подставках в виде зубастых пастей на стенах скорее делали тьму более густой, чем разгоняли ее. «И очень жаль», —

подумал царевич, когда прямо на них из-за угла выскочило какое-то страшилище, и Трисей начал с ним бороться. — «Потому что плохо видно».

Бестолковые иолкцы разбежались, кто куда, и только они с Ираком остались, чтобы поболеть за наших. Не известно, за кого болел Ирак, но Иван меланхоличным мычанием подбадривал Минозавра — как явно проигрывающую сторону. И когда Трисей, поведя могучими плечами, со смачным хрустом крутанул вокруг своей оси ушасто-рогатую голову незадачливого чудовища, в недобрый для себя час оказавшегося в темных закоулках этого затхлого погреба, Иванушка, как триллиарды болельщиков побежденных команд, махнул рукой, плюнул, и повернул домой, сожалея о потраченном впустую времени.

— Эй, постой! — кто-то окликнул его, а когда он не посчитал нужным отозваться — ухватил за плечо. — Стой, чужестранец! Ты, ванадец, иди сюда — стой рядом с ним!

Обернувшись, Иван увидел рядом с собою глупо улыбающегося Ирака. Наверное, его команда выиграла... И пускай... Может, если они тут подольше постоят, появится еще какое-нибудь уродище вроде этого, и тогда мы еще посмотрим, кто кого...

А вот и остальные иолкцы начали собираться... И все смеются. Те, которые не

плачут... И что сейчас? Ага, это же аттракцион такой, вспомнил... Лабиринт называется. И сейчас Трисей будет нас отсюда выводить. А после этого мы, наверное, пойдем на качели... Что это он такое говорит?.. Хм, никогда бы не подумал... Хитер... До такого, наверное, даже сам Волк бы не додумался... Волк... Волк. Волк? Волк! Волк!!! Волк... Волк... Кстати, а где Волк?.. Жалко — пропустил самое интересное... И кто бы мог подумать, что если конец нити, свернутой в клубок, привязать к поясу туники где-то в дебрях лабиринта — эге, это ведь лабиринт — я про него сегодня уже где-то слышал!.. — так вот, тогда остальной клубок сможет вывести заблудившихся на улицу... Это, наверное, волшебный клубок, как у королевича Елисея на странице восемьсот шестнадцатой, когда он заплутал в расколдованном замке... или в заколдованном?.. Нет, в расколдованном — я помню, что он оказался в прекрасном замке с садом с ручейками, деревьями, бабочками, похожими на цветы и цветами, похожими на бабочек, с белыми и розовыми стенами... И птичками... Тоже похожими на что-то... Может, на рыбок... И узнал он, что этот замок давным-давно заколдовал какой-то маг... И сумел расколдовать его... И встал перед ним черный город ужаса с подземельями пыток и казней... И заблудился он там, и погиб бы от голода... Интересно, почему от голода, там же

народу всякого полно было... и тварей... Ведь что-то же они ели... когда не жрали друг друга? А-а... Наверное, стенания истязаемых отбивали ему аппетит... Но дала ему молодая ведьма молоток... Нет, колобок... Или клубок... О чем это я?... Смешно... Кажется, мы мимо туши этого Ментозавра уже в четвертый раз проходим. Или я что-то пропустил, и эти Мегазавры разные? Значит, счет — четыре-ноль?.. А эти иолкцы снова льют слезы... Значит, они потеряли несколько Трисеев тоже? Остался один... Вон он... Играет в футбол своим клубком. Смешно... Все его ждут, пока он поведет их на карусели, или хотя бы в беспроигрышный тир, а он тут играет... И ругается... Наверное, потому что больше никто с ним поиграть не хочет. Наверное, если бы со мной никто играть не хотел, я бы тоже стал ругаться. Только не так, как он... Я не все слова такие знаю... Ну ладно. Если никто не хочет — придется мне. Эй! Трисей! Трисей, пас давай, пас!!!!..

Иванушка, покачиваясь из стороны в сторону, как лунатик, подбежал к клубку, брошенному на пол разгневанным героем, попытался пнуть, промахнулся, покачнулся, взмахнул беспомощно руками и шлепнулся сам, ударившись головой об стену.

Перед глазами все поплыло, закрутилось, желудок моментально изверг свое содержимое

кому-то на ноги, а сознание, вероятно смущенное таким поворотом событий, поспешило тут же покинуть его до лучших времен, сделав вид, что они не знакомы.

Может быть, лучшие времена наконец-то настали, потому что Ивановы глаза медленно приоткрылись.

Одновременно с тусклой картинкой включили и звук. И запах.

— ГДЕ Я?!

Как будто плотная отупляющая пелена спала с головы Иванушки. Мгновенно все события, обрушившиеся на него с утра, ворвались, вспыхнули у него в мозгу, опалив испуганно отшатнувшееся сознание, тут же пожалевшее о своем преждевременном возвращении. Как кусочки разрезной картинки встали осколки происшедшего на место, и увиденное ошарашило и шокировало слегка запоздавшего на свидание с реальностью царевича.

«Ешеньки-моешеньки, как сказал бы Сергей», — медленно схватился Иван за звенящую голову. — «Где же я теперь его найду...»

К чести его сказать, сомнений в том, что его земляк остался в живых, у него даже не возникало. Отрок Сергей стал для Иванушки действующим лицом самой первой и самой нерушимой аксиомы. Даже если погибнет мир, говорилось в ней, то рано

или поздно, и скорее рано, чем поздно, из-под его обломков выберется ухмыляющийся Волк и спросит бананов в шоколаде.

А искать унесенного ветром Волка надо было незамедлительно — ведь на то, чтобы найти и доставить золотое яблоко Филомеи, у них было совсем немного времени! О том же, чтобы покинуть Стеллу без друга, хоть с целой корзиной этих яблок, речи не шло. Пусть даже если все королевства в мире и все их престолонаследники провалятся сквозь землю.

— ...выбраться?

— Похоже, мы окончательно заблудились!

— Наверное, попался неисправный клубок...

— Неисправные мозги...

— Если ты такой умный...

— Не надо драться, юноши!..

— Ум... мник... на!.. шел!.. ся!!!!..

— А-а-а!..

— Трисей, разними же их!..

— Так что ты там говорил про мои мозги, а?..

— Трисей!!!

— А-а-а-а-а-а-а!!!!..

Даже Иванушке стало понятно, что в пяти шагах от него происходит что-то не то.

Он попытался подняться, и со второго захода преуспел. Голова, правда, еще слегка кружилась, но уже не от зелья, которым их опоили на корабле.

— Что случилось? — обратился он в никуда, не надеясь получить ответ, просто для того, чтобы снова услышать звук своего голоса. — Что мы тут делаем?

— Я... учу... этого... пижона... Геноцида... обращаться... ко мне... с уважением! — неожиданно для царевича отозвался Трисей, не отрываясь от заявленной деятельности.

— Уй!.. Ай!.. Ой!.. — подтвердил тот.

— Мы заблудились... — в несколько голосов обреченно вздохнули остальные.

— Совсем?

— ...нет, наполовину!.. Ауй!..

Иван на мгновение задумался, и тут же лицо его просветлело. Настолько, что если бы просветление это выражалось в киловаттах, то его хватило бы для освещения пары вечерних игр на самом большом стадионе.

Здесь он был как у себя дома. Этот способ выбраться из любого места самого непроходимого и запутанного лабиринта описывался на странице тысяча шестьсот тридцать восемь «Приключений лукоморских витязей», когда королевич Елисей черной магией маниакального карлика — владельца бриллиантовых копей — забрасывается в самый центр подземного огненного лабиринта на летающем острове Коморро. И, самое важное, этот способ уже был однажды опробован Иванушкой на

практике — в том самом ярмарочном лабиринте, куда они с матушкой зашли, не дождавшись сопровождающего, и где благополучно умудрились потеряться уже через три минуты. Тогда спасение царицы Ефросиньи заработало ему дополнительный урок стрельбы из лука в неделю, но, увы ненадолго — до первой занозы в пальце...

Иван мотнул головой, отгоняя невесть откуда взявшуюся ностальгию, и заявил:

— Я выведу вас отсюда. Следуйте за мной.

— Что, еще один умник? — оторвался от лупцевания Геноцида и ревниво прищурился Трисей.

— А ты откуда знаешь дорогу?

— Даже Трисей не смог найти обратный путь!

— Даже волшебный клубок не помог!

— Ты что — был тут раньше, что ли, а?

— Еще за тобой будем семь часов сейчас ходить!

— Нет уж!

— И так с ног валимся!..

— Повезло Минозавру — раз, и все!

— Что ты сказал?..

— А-а-а-а-а!!!..

Царевич вздохнул и закатил глаза. Кажется, полноценно общаться с этими людьми, не вызывая лавины дурацких вопросов, можно было только одним методом. Интересно, что бы сделал на его

месте Волк?.. Конечно, без сомнения, использовал бы этот метод.

— Боги Мирра меня поведут! — сурово изрек он. — Кто сомневается в воле богов, поднимите руки!

Двенадцать пар рук синхронно спрятались за спины. Только Ирак остался стоять, покачиваясь и блаженно улыбаясь.

— Вперед! — воззвал царевич. — И да ведут нас боги Мирра!

И все дружную толпою устремились за ним.

Часа через четыре уставшие иолкцы уже во всю ставили под сомнение не только его компетенцию как проводника воли богов, но и существование самих богов, божественного провидения и Мирра вообще, и всего остального окружавшего их когда-то мира — в частности. Некий Платос выдвинул философскую теорию, нашедшую горячую поддержку в массах, о том, что окружающая реальность субъективна, и является лишь отражением нашего представления о ней, то есть, пока мы думаем, что мы в лабиринте — мы будем в лабиринте. Но стоит нам прилечь отдохнуть, и к нам придет иной сон, более приятный, и мы окажемся где-нибудь на берегу моря, или во фруктовом саду, или в тенистом лесу.

Откровенно говоря, Иван-царевич с удовольствием и сам стал бы приверженцем этой

теории, потому что ноги под ним заплетались и подкашивались, тонко намекая, что день был у них сегодня трудный — но не успел. В лицо ему внезапно пахнул соленый ночной ветер.

Еще несколько десятков торопливых шагов — и вместо пропитанного клаустрофобией склепа лабиринта восторженных иолкцев ⁴ встретила бесконечным звездным объятием ласковая старушка-ночь.

— Трисей!..

На могучую грудь слегка смущенного героя откуда ни возьмись упала девица. При свете факела царевич узнал ту девушку из храма, которая украдкой передала Трисею клубок.

Нижняя челюсть Иванушки с грохотом упала на песок, — «Вот это красавица!!!»

— Ты жив, Трисей! И мой клубок с тобой! Он все-таки помог тебе выбраться! О, Боги Мирра, слава вам, слава! Но почему ты привязал нить так далеко от входа? Я уже начинала беспокоиться — уж не случилось ли с тобой чего... А что с Минозавром? Ты победил его? Пойдем скорее на корабль — а не то мой отец хватится меня, и если он узнает, что я помогла тебе выбраться из этого

⁴ А так же торжествующего лукоморца и отрешенно-счастливого ванадца.

ужасного лабиринта, то он меня убьет на месте! Хвала богам, что сейчас ночь!..

— Так значит... Так нитку... Значит, надо было...

И Трисей в свою очередь возблагодарил богов, что сейчас ночь, и что не видно ни цвета, ни выражения его лица.

— Так значит, ты хотела спасти нас, о незнакомая дева? — только и смог произнести сконфуженный герой.

— Да, конечно, Трисей, спасти тебя! Как только я тебя увидела — сразу поняла, что если ты умрешь — то я тоже умру! А зовут меня Адриана, и я дочь царя Мина. Ну что же ты молчишь? Я из-за тебя так рисковала!

Трисей, мучительно нахмурясь, совершил умственное усилие, достойное героя, и через минуту выдал:

— Царевна?

— Да!

— согласишься ли ты войти в дом моего отца моей молодой невестой?

— Ну право же, я не знаю... Твое предложение так неожиданно... Так внезапно... Мне надо подумать...

Могучие плечи Трисея колыхнулись.

— Ну если ты не хочешь...

— Я уже подумала! Я согласна! Пойдем

скорее на твой корабль!

— Скорее, друзья! — обняв тонкий стан царевны Адрианы, взмахнул рукой Трисей. — Капитан Геофоб ждет нас!

И Иван, закрыв, наконец, рот, устремился вслед за веселой гомонящей толпой стеллиандров, не переставая повторять: «Согласишься ли ты войти в дом моего отца моей молодой невестой... Согласишься ли ты войти в дом моего отца моей молодой невестой... Согласишься ли ты... Надо запомнить... Надо запомнить... Надо запомнить... Как все просто... Как все легко... У других. Если бы царевна Адриана не то, чтобы дотронулась до меня, а просто обратила бы внимание... или просто посмотрела бы... или невзначай задела краем своего балахона... Я бы ведь на месте тут же умер! Или еще того хуже — стоял бы, краснел и молчал, как язык проглотил... Как последний дурак. А Трисей... Как он так может? Не согласитесь ли вы войти... моей невестой... КАК ВООБЩЕ ОНИ ВСЕ ТАК МОГУТ?! И почему этого не могу я?.. Наверное, все девушки как-то чувствуют, что я такой... такой вот... вот такой... И поэтому не обращают на меня внимания. А какие простые слова и нужны-то, чтобы полноценно общаться с противоположным полом. Только где же их взять... Не согласитесь ли вы войти в мой дом отца... моей невестой... Надо не забыть!..»

Черные паруса весьмагодились.

Подняв их сразу же, как только спасенные поднялись на борт, и возблагодарив миррских богов за попутный ветер, корабль тайком вышел из спящего порта Мина и взял курс на Иолк.

Усталые, но счастливые молодые иолкцы быстро соорудили трапезу из мяса, козьего сыра и хлеба и, энергично запивая все это неразбавленным вином, шепотом возносили хвалу непобедимому Трисею. С каждой новой амфорой шепот становился все громче, а тосты все замысловатей, и иногда и тамада, и слушатели забывали к концу, о чем говорилось в начале. Но это не мешало всеобщему веселью: скорее, даже, наоборот.

Под конец вечеринки, когда уже добрая половина пассажиров была повержена алкоголем на еще теплую после жаркого дня палубу, просветление опустилось, наконец-то, и на Ирака, и он с живостью стал поддерживать все тосты, и даже предложил парочку от себя. Один из них был за Ивана.

— Хочу выпить за человека... или не человека... или не совсем человека... смертного, так сказать... только я этого не говорил... потому, что кто-кто, а я-то точно смертный... предлагаю, значит... за Иона — что значит «идуший»... Что он пришел к нам ко всем, когда... когда это было угодно бессмертным богам... Только я этого не

говорил... Это, то есть, когда было угодно ему...
До дна!

— До дна! — шепотом взревели гуляки. — За Иона!..

Глубоко за полночь во вменяемо-вертикальном состоянии оставались только Трисей и Иванушка. Первый в силу своей массы, которую надо было измерять, скорее, не в килограммах, а в центнерах, а второй — по причине незаметного выплескивания большей части доставшегося ему вина за борт. Потому что если бы это выплескивание стало бы заметным, то долгосрочная горизонтальность положения была бы ему обеспечена разошедшейся к тому времени публикой досрочно.

К тому времени улеглись спать и матросы, и капитан Геофоб, и дежурный, который спать не должен был по определению, и царевичи остались стоять на корме в одиночестве. Казалось, с каждым дуновением ветра хмель выветривался из Трисея, как дым.

— А теперь поведай-ка мне, Ион, кто ты такой, откуда прибыл ты в Стеллу, и чего ищешь.

— Откуда ты знаешь, что я что-то ищу?

— Люди, которые ничего не ищут, сидят дома у своих очагов, — двинул плечом Трисей.

— Изволь, расскажу. Зовут меня Иван. Ну или Ион по-вашему. А приехал я в Стеллу в поисках

золотого яблока Филомеи. Я и мой друг Сергей по прозванию Волк. Только во время сегодняшней бури мы потеряли друг друга. Я вот очутился здесь, а его даже и представить невозможно, куда могло унести... Теперь кроме этого яблока придется искать еще и его. Кстати, если ты знаешь, что это за яблоко, и где его можно найти, наша благодарность не знала бы границ в известных пределах, что значит, что я бы был глубоко признателен за твою помощь, — заученной когда-то давно фразой из похищенного на ночь учебника старшего брата по дипломатии Иванушка завершил представительскую речь.

Впитывая и переваривая сокровища дипломатической мысли Лукоморья, стеллиандр ненадолго задумался.

— Ах, яблоко! Ну, конечно, знаю. Кто же этого не знает!.. — проговорил он наконец. — Это яблоко присудил Филосее трилионский царевич Париж как самой красивой из всех богинь, и теперь его город вот уже десять лет как в осаде.

— И кто его осадил?

— Естественно, союз женихов!

— Женихов?! — надпись на солдатиках из детства стала приобретать новый, неизведанный ранее, но пугающий смысл.

— Ну да. Ведь перед тем, как выдать Елену замуж, ее отец взял слово с остальных юношей,

добивавшихся ее руки, что в случае чего, они поддержат выбранного его дочерью жениха.

— Елену?..

— Ну конечно. Ведь в знак благодарности Филомея помогла Парижу украсть у законного мужа Елену — самую красивую из смертных.

— Красивее Адрианы?

— Ион, не будь ребенком.

— Да я ведь ничего... Я ведь просто спросил...

— Ну так вот. Говорят, что это яблоко Филомея подарила Елене в качестве приданого. Значит, оно сейчас у нее.

— А она в осаде.

— Уже одиннадцатый год. А теперь скажи мне, Ион, почему, чтобы вывести нас из лабиринта, боги выбрали тебя?

— Н-ну, как тебе сказать... — первым порывом царевича было объяснить Трисею, что никакие боги, вообще-то, его никуда не выбирали, а надо было всего лишь набраться терпения и, придерживаясь одной из стен, идти вперед, пока внезапно не наткнешься на выход, как это с ними и случилось. Но, уловив при свете факела чересчур серьезное выражение на мускулистом лице иолкского царевича, почему-то передумал. — Со мной это иногда бывает. Но ничего страшного. Потом это проходит.

— А-а... — с некоторым облегчением протянул Трисей. — Тогда ладно. А то тут твой приятель, когда говорил за тебя тост, что-то наплел непонятное...

— Он был пьян, — твердо оборвал его Иванушка. — И от вашей отравы еще не отошел. Кстати, зачем понадобилось подливать нам в вино эту гадость? Если бы вы попросили, мы бы и сами пошли с вами сражаться с этим Минозавром... Ну или поддерживать тебя ободряющими криками, — поправил он себя, представив на незамутненную голову монстра, побежденного стеллиандром.

Трисей посмотрел на него как-то по-новому.

— Зная, что тебя должны через два часа разорвать на кусочки, ты бы добровольно пошел в лабиринт?

Иван вспомнил про волшебные сапоги, и с твердостью ответил:

— Да.

— Значит, ты тоже герой?

На этот вопрос такого быстрого ответа у царевича не нашлось. Но Трисей его и не дожидался.

— А этих трусов пришлось силой вылавливать по всему Иолку, когда пришла пора отправлять ежегодную дань царю Мина, — с презрением махнул он рукой в сторону спящих. — За это я тебя уважаю, Ион. Если ты, конечно,

говоришь правду, и ты действительно не... не...

— Не кто?

— Не тот, на кого намекал этот твой болтун Ирак, — выпалил Трисей.

— Нет, я — это не он, — не понял Иван, о чем идет речь, но на всякий случай твердо решил отмежеваться от чего бы то ни было, способного подмочить его новую героическую репутацию.

— Ну тогда ладно. А твоего друга, с которым ты сюда прибыл, мы попробуем найти, после того, как в Иолк вернемся.

— Думаешь, он там? — с сомнением проговорил Иванушка.

— Может там. А если нет — обратимся к оракулу Ванады, принесем ей за него достойные жертвы и, если богиня снизойдет — подскажет, где твоего Ликандра отыскать.

— Почему Ликандра?

— Но ты же сам сказал, что его прозвание — Волк. На нашем языке — Лик. Получается — человек-волк. Ликандр. Нормальное имя, которое, по крайней мере, без затруднений сможет выговорить даже ребенок. Не то, что это его иностранное. И кто только вам такие имена придумывает... Не встречал еще ни одного чужестранца с нормальным стеллийским именем.

Царевич хотел прокомментировать эту сентенцию, приведя примеры из своей недолгой, но

богатой практики заграничных поездок, но вовремя воздержался, а вместо этого попросил:

— Только можно побыстрее к этому оракулу сходить, когда приедем, а? Мы просто торопимся очень...

— Обязательно, — пообещал Трисей, и дружески похлопал Ивана по плечу. — Я сам выберу самого лучшего быка, которого ты предложишь Ванеде в жертву. А сейчас давай спать. Вон, все уже храпят — заливаются.

— Не все, — прислушался Иванушка.

Среди всеобщего торжества Опиума — бога сна и сновидений Стеллы — то и дело раздавались тихие не то поскуливания, не то повизгивания.

— Ты это о чем? — тоже прислушался Трисей. — А, об этом... Это этот стилига Геноцид. Страдает. Хорошо я ему сегодня вломил. Не обращай внимание, Ион. Пошли спать.

— Но ему же больно!

— Ну и что? Поболит и перестанет. Ничего ведь не сломано. К сожалению. Через недельку как новенький будет. Нужен он тебе...

Но Иван его не слушал. Он пробирался между распластанными телами спящих, вслушиваясь и вглядываясь, и скоро нашел.

— Тебе очень больно? — склонился он над Геноцидом.

Тот сразу перестал стонать.

— Тебе-то что?

— Подожди, я тебе помогу.

— Как это ты мне поможешь? Ты что, чародей, что ли?

— Нет... Но я попробую... — и он осторожно положил на голову иолкца руки — сверху ту, что с кольцом — и попытался сосредоточиться, как учил их старый Ханс.

— Если ты чародей, то должен говорить волшебные целительные слова, — не унимался Геноцид. — Потому что без волшебных целительных слов лечат только безродные проходимцы и шарлатаны. А ты и сам по себе-то совсем на чародея не похож. Так, может, на лекаришку какого-нибудь, которого в приличном обществе и к лошади не подпустят, если лошадь чистых кровей, как, например, в конюшне моего отца, а их там знаешь, сколько? Несколько десятков! Вот понаехали тут всякие, ни снадобий, ни зелий, ни волшебных целительных слов не знают — полная темнота и отсталость, а туда же лезут...

Лукоморец почувствовал, как помимо его воли руки спускаются с макушки Геноцида к горлу, а пальцы начинают медленно сжиматься. Откуда-то из темноты донеслось тихое ржание иолкского царевича.

Услышав, Иванушка взял в руки вместо этого

себя и попытался придумать какие-нибудь волшебные целительные слова, но вместо них на ум шло только одно. Что после недолгого сопротивления и было произнесено над больным:

— У киски боли, у собачки боли, у Геноцида заживи...

* * *

К тому времени, как Серый и Масдай наконец просохли на жгучем стеллийском солнце, прошло два дня. Сказать, что настроение у обоих было чернее той тучи, которая разразилась ураганом, забросившим их сюда — значит, не сказать ничего.

Во-первых, где находилось это «сюда», оставалось тайной за семью печатями, девятью пломбами и крупной надписью красными чернилами «Строго секретно». Причем, похоже, не только для них двоих, но и для стеллиандров тоже, потому, что за все это время, кроме вызывающе-непуганных перепелок, которых Серый сбивал камнями себе на пропитание, в этих горах на них не натыкалась ни одна живая душа.

Во-вторых, пропал Иван. Волк не видел момента, когда тот свалился, и ничего не слышал из-за грохота бури, но готов был побиться об

заклад,⁵ что его неповторимый царевич улетел за борт ковра при попытке кого-нибудь спасти.

И в третьих, этим «кем-то» наверняка был этот болтливый Иран. Или Бутан. Или как его там. Впрочем, он тоже пропал, и был сие единственный крошечный плюсик во всей этой гнусной истории с исчезновениями.

Утром третьего дня, вновь позавтракав опостылевшей перепелкой без соли, Серый мысленно подвинул с первой позиции списка под заглавием «Чтоб я еще раз это съел!» пикантный сыр с запахом ископаемых носков, внес туда эту злополучную птицу, затоптал остатки костра, взгромоздился на Масдая и сказал традиционное «Поехали».

И естественно, ответом на него было не менее традиционное «Куда?»

— Ну если ты часом знаешь, где наш Иванушка...

— Не знаю. Но, кажется, кто-то когда-то упоминал о каком-то волшебном устройстве, при помощи которого...

— Дохлый номер, — вздохнул Волк. — Пробовал. Не берет.

— Что «не берет»?

⁵ Если бы знал такие слова.

— След. Наверно, сломался, пока плавал у меня в кармане. Или слишком далеко нас друг от друга занесло. И поэтому если у тебя имеются какие-нибудь идеи на предмет нахождения пропавших царевичей...

— Нет.

— А ты вообще раньше в этой Стелле был?

— Нет. И ничуть о том не жалею, — сухо ответил ковер.

— Понятно. Ну тогда давай полетели просто вперед над верхушками деревьев, а я буду смотреть вниз — может, дорога какая-нибудь попадется, или тропинка...

— А если это — необитаемый остров?

Серый на мгновение задумался.

— Тогда мы будем облетать его по кругу, вдоль, поперек и по диагонали, пока такая тропинка не ПОЯВИТСЯ, потому, что над морем я больше НЕ ЛЕТЕЦ.

Тропинка обнаружилась довольно скоро — часа через два полета по прямой.

— Следуй вдоль нее! — приказал Волк.

— А куда? Направо или налево?

— Какая разница! Все равно куда-нибудь, да попадем!

— И все-таки?

— Масдай, какой ты нудный! Ты почти заставляешь меня пожалеть, что я оказался в твоей

компании, а не с Ираком.

— Почему «почти»?

— Потому, что на тебе путешествовать все-таки немного удобнее!

— Спасибо!

— На здоровье! Поехали направо.

— Ну направо, так направо. Хотя, откровенно говоря, я было подумал, что ты захочешь спросить, где мы находимся у того старика, — пожал кистями ковер и заложил вираж.

— Постой! У какого старика?

— У того. Который отдыхал там под оливой. Ну да хозяин — барин, и вообще, какое мое дело, и так куда-нибудь да попадем...

— МАСДАЙ! — страшным голосом проговорил Волк.

— Понял, — без задержки изменил курс ковер на сто восемьдесят градусов.

При ближайшем рассмотрении старик казался скорее мертвым, чем отдыхающим. Глубоко запавшие глаза, ввалившиеся щеки и тощие руки и ноги, выставяющиеся из-под длинного балахона, а также отсутствие сумки наводили на мысль о том, что собирается умереть он от голода.

Волк, назвав тихонько себя болваном стоеросовым за то, что выбросил остатки перепелки, снова поднял в воздух Масдая и нарвал неподалеку с самой верхушки дерева полый плащ

желтых бархатистых слив.

«Жердель,» — всплыло откуда-то нелукоморское слово. «Это — жердель. Что бы это ни было. А растет она на жердях. Поэтому так и называется. Значит, тут земля плодородная. Воткни жердь — вырастет жердель.»

— Давай вниз, ищи дедка .

— А чего его искать... Убежит он, что ли. Если и убежит, то только туда, где его уже никто не догонит.

— Вон он. Кажется, от твоего ворчания проснулся. Эй, дедушка! — крикнул Серый, мягко спрыгивая на землю. — Айда жерделей есть!

— Нет!!!

Реакция старичка была такой, как будто отрок Сергей предложил ему отведать не ягоду, а живых гадюк.

— Да ты не бойся — она съедобная! Даже вкусная! Вот, смотри! — Волк отправил себе в рот одновременно парочку и сочно ими зачавкал.

— Не подходи ко мне!!! — заломил старик руки. — Умоляю, не подходи!

— Да ты чего, дедуль, — озадаченно выплюнул косточки Волк, сбив на лету пару оводов.

— И не дедуль я тебе! — гордо выпрямился ходячий скелет с бородой.

— Да я знаю. Мой дед — абсолютно

нормальный человек. Я же просто так тебя назвал... Из уважения. К возрасту. Исключительно. А чего к тебе подходить-то, кстати, нельзя? Ты что — заразный?

— Я не заразный, о дерзкий юноша. Я проклятый, — опустил старик бессильно на камни.

— Проклятый? Кем?

— Златострелым Полидором — бессмертным богом Мирра, да наполнится его чаша нектаром...

— За что? — спросил Серый — «Мистер Тактичность».

— О, горька моя судьба, — всхлипнул старик. — Пожаловал как-то раз ко мне в гости овцекудрый Полидор. Принял я его как самого почетного гостя, какой когда-либо являлся ко мне во дворец. И так понравилось ему мое обхождение и гостеприимство, что попросил он меня пожелать, чего душе угодно — любое мое желание пообещал выполнить. И я, презренный скупец, в гордыне своей попросил его, чтобы всё, к чему я только ни прикоснусь, превращалось в чистое золото.

— Убойно! — ахнул Волк. — И что, он исполнил это желание?

— Исполнил, о горе мне, горе!!!

— Горе? Почему горе? — не понял Серый. — Или мы говорим о разных желаниях? Что ж тут плохого, когда у тебя во дворце золото кучами!

Золотые столы, золотые шкафы, золотые хрустальные вазы, золотые свечи, золотые... золотые... Ну короче, все золотое!..

— Вот-вот, неразумный юноша, я тоже так думал. Но только оказалось, что свечи, как ты изволил выразиться, они или свечи, или золотые. И с хрустальными вазами — то же самое, между прочим.

— Ну это-то можно и пережить!

— Это — можно. А золотые яблоки, золотая рыба, золотые слуги...

— Тоже нормально. У моего друга золотые яблоки дома растут. Золотые рыбки у нас желания исполняют. Если поймаешь, конечно. А золотую прислугу в наше время не так просто найти — золотые рыбки встречаются чаще.

— Болван!!! — в гневе взвизгнул старикан. — В золото стало превращаться все, к чему бы я ни прикасался!!! ВСЁ!!! Еда, животные, люди!..

— Ешки-моешки! — как будто невидимая рука отбросила отрока на три метра назад. — Вот это да... Вот это ты налетел... Как сказал бы один мой знакомый король, что с возу упало — на то напоролись...

— Не слыхал я никогда такой поговорки, о прыгучий юноша, но отражает она мое печальное положение очень точно.

Тут Волку пришла в голову мысль.

— А ты не пробовал поговорить с этим Полидором, чтобы он свой подарок забрал назад? Или как-то обговорить исключения...

— Как не пробовал! Я принес ему в жертву гекатомбу, и он оказал мне еще одну милость — посоветовал пойти к священной реке Икс, в водах которой смогу смыть этот опасный дар.

— Ну может, если бы ты принес ему не тумбу, а что-нибудь более стоящее, например, шкаф, он был бы более сговорчивым?

— Гекатомба, о невежественный юноша, это сотня быков, — презрительно пояснил старикан. — А боги, к твоему сведению, не торгуются. И поэтому теперь я иду к священной реке Икс, как повелел мне ясноликий Полидор, но кажется уже не дойду... — сглотнув голодную слюну, погрустнел старик. — Силы мои на исходе, и от голода темнеет в глазах, и жизнь покидает меня, как вода — треснувшую амфору... Чувствую я — недолго мне осталось ждать, пока чернокрылый Эвтаназий прилетит за мной, чтобы забрать в подземное царство мертвых... — и поникший царь со стоном осел на траву, уперевшись в землю руками, и трава под ними мгновенно застыла и зазолотилась.

— Ну ни финта себе... — задумчиво удивился Волк. — Тут и Ярославна бы спасовала, наверное. Ну и шуточки у ваших богов... Цветочек-то у тебя под левой рукой, ей-же-ей, как от самого искусного

ювелира. И не скажешь, что секунду назад настоящим был. М-да... Сколько добра-то пропадает... — теперь он слегка оттопырил нижнюю губу, помял подбородок и повторил еще раз:

— М-да... Ну и дела... Ну что я могу тебе сказать, царь...

— Ардос.

— ...царь Ардос. Желаю тебе добраться до этой твоей священной реки Игрек в целости и невредимости. А нам пора. До свидания. Мы спешим.

— Прощай...

— А на прощанье разреши-ка тут у тебя травки нарвать, — проговорил Волк, и пока царь ничего не успел ответить, проворно подскочил и вылол всю золотую траву у того вокруг рук. Потом зачем-то зашел ему в тыл, нагнулся, пошарил руками по земле и попытался заглянуть старичку под зад.

Удивление, разочарование и просветление быстрой чередой проскочили по лицу лукоморца. Он почесал в затылке, потом бросился под дерево, под которым Ардос спал совсем недавно, потом обратно...

— Эй, юноша, что это ты там делаешь, скажи мне на милость? Что ты бегаешь вокруг меня кругами? Что ты под меня заглядываешь — у меня

что, на заду что-то написано? Или ты меня ограбить хочешь? Так у меня нечего красть, я бедный! И вообще — дай мне умереть спокойно! — царь попробовал поворачиваться, чтобы уследить за энергичными перемещениями незнакомца, но от беготни того закружилась голова, и он повалился наземь, успев, впрочем, ухватиться за ветку кустарника. Та тут же превратилась в золотую, обломилась, и царь скатился с пригорка прямо на дорогу.

Отрок Сергей снова подскочил к тому месту, где только что лежал Ардос и стал что-то высматривать и выщупывать. Потом гордо выпрямился, отряхнул пыль со штанов и, склонив голову чуть на бок, спросил слабо барахтающегося в придорожной пыли тощего старика:

— А что бы ты сказал, царь Ардос, если бы дар твой остался как есть, а жить ты бы смог по-прежнему?

— Не гневи богов, юноша. Ступай себе, откуда пришел. Не смейся над умирающим.

— Да нет, дед, я серьезно. Что ты мне дашь, если я помогу тебе сохранить дар?

— Ну, если бы был на Белом Свете смертный, который смог бы это сделать... Я бы дал ему сколько угодно золота! Столько, сколько он бы смог унести!

— Так «сколько угодно», или «смог унести»?

— Сколько угодно унести.

— Хорошо. Только увезти.

— Увезти?

— Да. Увезти. Не унести.

— Хм. Смотря на чем.

— Какая разница?

— Большая. Или он повезет золото в тачке, или в телеге, запряженной одной лошастью, или двумя, или в двух те...

— Царь. Тебе бы следовало родиться ростовщиком, а не царем.

— Спасибо за комплимент. Но этим ты меня не смягчишь. Царское слово тверже гороху. Сказал — «унести», значит...

— Ну как хочешь. Унести — так унести. До свидания, — Волк сделал вид, что собрался уйти. — Счастливо добраться до своего этого Эпсилона. Полидору привет.

— Эй-эй-эй!!! Постой!!! — до Ардоса, наконец, что-то дошло. — Я согласен! Согласен!.. Только не уходи! Не уходи! Я согласен! Увезти! Только увезти на одной лошади! Которую ты купишь сам!

— Ну и жлоб ты, царь, — умилился лукоморец. — Если бы не особые обстоятельства, бросил бы я тебя тут к твоей стеллийской родительнице и не пожалел.

«А Иван пожалел бы,» — почему-то пришло

ему в голову. — «И ни копейки бы не взял. Еще бы на дорогу денег дал. И до дворца бы довез. Ну не дурак ли? Витязь лукоморский, едрена кочерыжка... Где я его искать теперь буду — ума не приложу... Да и жив ли?..»

Волк вздохнул.

— Ладно, — махнул он рукой. — Вон, видишь эти камни? Сделай их золотыми — и мы квиты. Не поеду я к тебе в гости.

— А ты меня не обманешь? — царь подозрительно зыркнул на Серого.

— Обману, обману, — пообещал Волк. — Давай, бегом, пока я не передумал.

— Что, всю кучу? — попытался было поторговаться Ардос, но, увидев выражение лица незнакомца, без лишних слов подскочил к осыпи и провел по ней руками.

Груда бесформенного булыжника засверкала под лучами солнца. Отрок прищурился.

— Еще вон тот.

И еще одной искоркой килограмм на пять стало больше.

— Гут. А теперь слушай и запоминай. Два раза повторять не буду. Я тут за тобой посмотрел, и увидел, что там, где ты руками тронешь, там действительно все золотеет. Но и всё. То бишь, на другие части тела твое чудо не распространяется. Поэтому есть ты спокойно сможешь, если тебя

кто-нибудь другой кормить станет. Слуга там, или жена, или еще кто — это уж не моё дело.

— О!!!..

— Да. А ежели ты сам поесть захочешь, или подушку, скажем, поправить, или обнять кого — так ты тонкие перчатки надень.

— Что?..

— Перчатки, говорю.

— Что-что?..

— Пер... Стой. У вас что — перчаток не знают?

— Чего?

— Ну темнота... Перчаток, говорю. Это такие носки на руки. Они же рукавички. Они же варежки. Ну?..

— Нет... В толк не возьму, о чем ты говоришь, чужестранец... — поник разочарованный царь.

— Да ладно, не расстраивайся, — посочувствовал Волк, в очередной раз сам себе подивившись. — У меня, вон, пара вондерландских сохранилась. Щас в багаже посмотрю. Только они больно толстые. Тебе потоньше сшить надо будет.

— И как они мне помогут?

— Ты их оденешь — и они превратятся в золотые. Так?

— Так!

— Но чистое золото — металл мягкий,

гибкий. Особенно если очень тонкий лист. И поэтому они будут хорошо гнуться. Конечно, не как шелковые или кожаные. Или тем более живая рука. Но зато через них ты ничего превратить больше не сможешь, пока обратно не снимешь. Сечешь?

— Секу! — восхищенно подтвердил царь. — Секу!!!

— Ну вот и вся хитрость, — и Волк, выхватив меч, одним махом срубил тонкое деревце. Оно рухнуло наземь, накрыв Ардоса кроной, красной от спелой черешни.

— Руками не трогай! — успел крикнуть Волк, и царь, для верности сунув руки под зад, стал ртом срывать ягоды.

— Да погоди ты лопать-то!..

Но кто его слушал.

И пока Волк шарил по многочисленным карманам своего головоломного наряда в поисках лайковых перчаток, обязательно причитавшихся к лайковым же штанам по мюхенвальдской моде месячной давности, ягод успело значительно поубавиться.

— На, держи! — кинул он их царю. — Попробуй надеть.

Тот поймал их, прижал к груди, как самое бесценное сокровище своей жизни,⁶ и через пять

⁶ Впрочем, так оно и было.

минут перчатки, отливавшие уже желтым металлическим блеском, были натянуты на монаршьи руки.

С явным трудом сгибая пальцы, Ардос несмело дотронулся до черешни — и зажмурился.

Потом открыл глаз.

Потом другой.

— Она настоящая! — воскликнул он. — Она живая!!! Она не обратилась в золото!!! О, чужестранец, прости меня!!! Прости старого, глупого, жадного Ардоса! Проси, чего хочешь! Полцарства, царство — все отдам! Сыном назову! Ни в чем не откажу — проси!!!..

— Да ладно... Ничего мне не надо. Ты уже со мной расплатился — вон, самородки в куче лежат. Мне хватит. На первое время. И в сыновья, извини, к тебе не пойду — хотя спасибо, конечно, за предложение. Торопиться мне надо, видишь ли. Друга искать, с которым мы вместе к вам сюда прибыли. Пропал он. Даже не знаю, живой ли остался, или в море сгинул... Не обессудь, царь. Не до тебя.

— Друга искать? Пропал, говоришь?

— Ну да. Во время урагана два дня назад. До ваших мест, может, тоже долетал он, может, помнишь.

— Как не помнить. Помню. И даже как найти твоего друга, подскажу.

— Как? — недоверчиво поинтересовался Волк.

— Иди к ванадскому оракулу. Он всё знает. Он скажет.

— Куда идти? К какому?.. Где это? — Волка как шилом ткнули в одно место. Он подскочил к Ардосу, ухватил его за грудки и, несмотря на то, что был на полторы головы ниже, затряс его, как грушу. — Как туда добраться, говори! Говори скорее, быстрее давай!!!

— На восток отсюда, неделя пути пешком, три дня верхом по этой дороге, — слегка опешил от такой прыти царь. — И к твоему сведению, я являюсь правителем Ардилании, и поэтому попрошу...

— Строго на восток? — и не выслушав ответ, Серый сорвался с места, но тут же вернулся к удивлению старика, и к своему собственному тоже, причем трудно было сказать, чье было больше.

— Да-да, строго...

— Да нет, я не про это... — отмахнулся парень. — Тебе, говорю, до города твоего далеко?

— Д-да не очень. День пешком.

— Подвезти?

По глазам царя было видно, как боролись

усталость, унижение,⁷ здравый смысл и желание поскорей попасть домой и зажечь сказочной жизнью, о какой прочие цари и не мечтали — против шестого чувства. Оно, подпрыгивая на месте и брызгая слюной, на все лады убеждало их, что чем скорее они расстанутся с этим ненормальным иностранцем, отправив его искать своего потерявшегося друга, наверняка такого же сумасшедшего грубияна и выжигу, тем больше вероятность, что эта сказочная жизнь вообще когда-нибудь наступит.

Может быть, к счастью для Ардоса, вопреки «Параллаксам победы» генерала Блицкригера⁸ в кои-то веки поле брани оказалось за меньшинством.

— Нет-нет, спасибо, — озвучил позицию победившей стороны рот стеллиандра. — Я уж сам как-нибудь. Мне тут недалеко.

— Ну как хочешь! — и светловолосый юноша бросился в кусты.

— Будешь проходить мимо — проходи, — пригласил его удаляющуюся спину царь.

⁷ «Не царское это дело — по горам лазать аки козлище».

⁸ Его настольной книге, убедительно рассказывающей на четырех тысячах страниц, отчего более сильной армии проще победить армию более слабую, чем ту. Которая еще сильнее.

— Забираем вон те камушки — и на восток! — донеслось до него из-за дуба, и через несколько мгновений оттуда вылетел и приземлился у золотых булыжников огромный гобелен с распущенными по краям нитями. А на нем восседал...

— Счастливого пути! Рот закрой — муха залетит! — скоро донесся до него откуда-то с неба веселый голос взбалмошного незнакомца.

— Боги бессмертные!..

* * *

— Ме! Ме!

— Спасайтесь! Бегите!

— Она там!!!

— Кто?..

— Мих... Них... Химера!

— Химера?..

— Химера!

— Химера!!!

— Ме!.. Ме!..

— Она сожрет наших коз!!!

— Быстрее!!!

— Да шевелитесь вы, холеры!..

— Ме!..

— Химера!

— Ме!!!..

Давно отрок Сергей не знал такого грубого пробуждения от сладких ночных грез.

Химеры, холеры...

Что случилось?

— Что случилось? Эй!.. — глянул он вниз с поросшего травой карниза на отвесной скале, и пастухи попеременно с козами шархнулись от него в разные стороны.

— Спасайся, незнакомец! — крикнул ему один из пастухов. — Там, за четвертым поворотом, объявилась химера!

— Она сожрала трех...

— Четырех!

— Шесть!!!

— ...коз и Аквафора!..

— Здесь я!

— Тогда Салипода! И гонится за нами!..

— Да кто такая химера?..

— Это страшное чудовище!

— Это полу-змея, полу-коза и полу-лев!!!

— Кровожадная тварь!!!

— Он там!

— Она там!

— Кто там?

— Салипод!

— Химера!

— Если тебе дорога твоя жизнь, мальчик, беги, что есть силы!!!

— От мальчика слышу... — пробурчала взлохмаченная голова и скрылась обратно в траве.

Пастухи, не дожидаясь продолжения беседы и считая, по-видимому, что их предупредительная миссия выполнена, наперегонки с козами ломанулись вниз по горной тропинке, вопя и бляя, что есть мочи.

— Дурдом, — пробормотал Серый, растирая ладошками заспанную морду лица с отпечатавшимися на ней фальшивыми бриллиантами с вондерландского жабо. — Какая может быть химера в пять часов утра? Они что там — с ума посходили? Или «Лукоморских витязей» начитались? Придумать же такое надо... Полу-змея! Полу-лев! Сами они полу...

— М-ме?.. — напротив физиономии Волка трава раздвинулась, и просунулась белая симпатичная козья мордочка. Она сорвала травинку у уха Серого, со знающим видом дегустатора сжевала ее, удовлетворенно кивнула головой и повторила:

— М-ме.

— Вот, бегают, орут с утра пораньше, а сами всю скотину порастеряли, — проворчал Волк, почесывая заблудшему козленку за теплым ушком. — И как ты только сюда забрался, козья твоя морда... Ну да ладно. Не бойся, козюлька. Щас мы с дядей Масдаем тебя отсюда снимем,

подожди... — и он застучал кулаком по ковру.

— Эй, подъем! Много спать — вредно! Кто рано встает — тому Бог дает! Ранняя пташка... все склюет! Масдай, полетели!

— Если тебе не хочется спать, то это не значит, что никому другому здесь не хочется спать тоже... — донесся из-под Серого брюзгливый шерстяной голос.

— Я вообще не понимаю, как ковры могут хотеть спать!

— А как ковры могут летать и разговаривать, ты понимаешь?

Серый наморщил лоб и честно ответил:

— Нет. Поэтому не болтай, а полетели. И для начала спустим на тропинку этого козёлика, а потом поищем какой-нибудь ручей и позавтракаем рядышком, а, может, и умоемся, — уселся он, скрестив ноги, на Масдае и поманил козленка. — Иди сюда — мека, мека, мека...

Козленок, радостно мекнув, потянулся к нему... и потянулся... и потянулся... и потянулся... и все тянулся... и тянулся... и тянулся... пока из травы не показался конец змеиного туловища, весело помахивающего львиным хвостом.

И долго еще потом начинающие альпинисты и незадачливые пастухи, попадающие на этот карниз, будут качать головами и, удивляясь, придумывать легенды и мифы о том, откуда тут в голой твердой

скале появился такой глубокий отпечаток задней части небольшой человеческой фигуры.

— Ну ни х-х... Ну и х-х... Х-х-х... химера!.. — только и смог произнести Волк, отталкивая рукой дружелюбную головку с едва пробивающимися рожками, пытающуюся сжевать его волосы. — Предупреждать надо!

— Так предупредили же тебя, — кисло заметил Масдай. — И незачем было так орать.

— Я... Я не орал! Вернее, не просто орал! Я звал пастухов, чтобы сказать, что никакой опасности нет!

— Если они после такого зова вернутся сюда хотя бы через месяц, я удивлюсь, — выразил свое отношение к правдивости этого высказывания ковер.

— Ладно, полетели, умник шерстяной, — буркнул Серый, плюхаясь рядом с трехметровым химериным телом.

— Куда теперь?

— За четвертый поворот. Надо же это чудо домой вернуть.

— Ме, — согласилось чудо.

— Полетели, — согласился Масдай, крикнул и кряхтя поднялся в воздух.

Серый тщательно считал повороты, чтобы не сбиться. Но этого можно было и не делать.

Потому, что четвертый был отмечен шестью

свежими раздробленными козьими черепами.

Волк присвистнул.

— Это твоя работа? — строго глянул он на химерика.

— М-ме? — переспросил тот.

— Понятно...

И тут из небольшой дыры в земле показался лев.

«Точнее, львиная голова,» — тут же поправил себя Волк, не желая дважды наступать на одни и те же грабли.

И был прав.

Львиная голова, издав оглушительный рев, стала подниматься на толстом змеином туловище вверх, нехорошо поглядывая на только что прибывший воздушный десант.

— Это твой ребенок? — спросил у новой химеры Волк, пытаясь нащупать химерика не глядя. — Так мы его нашли и тебе привезли. Не сердись. За детьми смотреть надо лучше, — посоветовал он, продолжая безуспешные поиски вслепую. — Масдай, поднимись-ка еще метров на... пять, — попросил тогда он. — И куда этот стрекозел запропастился?..

— Залез под груды золотых валунов, — опровергая постулат, что на риторические вопросы ответов не бывает, подсказал ковер. — И сейчас там ползает и щекочется.

— Мека-мека-мека-мека!.. — позвал Волк, но был это глас вопиющего в пустыне.

— Где он сейчас? — спросил он у ковра, исходящего мелкой дрожью от щекотки.

— В районе правого дальнего угла, хи-хи-хи...

— Ну-ка... Иди-ка сюда... — нырнул Серый в груды золота и ловко ухватил химерика за шею. — Пошли, давай. К мамке приехали. Или к папке. Вылезай. Конечная.

Но у химерика, кажется, были другие планы. Он попытался вывернуться и улизнуть от отрока Сергия, не зная, что от того еще никто не уходил. Что и было ему сообщено с чувством глубокого удовлетворения, когда, в конце концов, он был выловлен в очередной и последний раз, намотан на руку, как бельевая веревка, завязан — на всякий случай — узлом и приготовлен к сдаче на поруки сородичу.

Но сородич добровольной сдачи дожидаться почему-то не стал. Над краем ковра показалась лохматая львиная голова с маленькими, горящими тупой злобой красными глазками.

Мека, увидав ее, издал пронзительный жалобный крик и рванул опять под камни, повалив Серого к подножию кучи.

Жаркие челюсти, напоминающие, скорее, открытый чемодан специалиста сетевого

маркетинга, распространяющего короткие мечи, чем простую пасть безобидного льва, звонко клацнули в том месте, где только что стоял Волк.

— Ах, ты так... Ты так... — взбешенный Серый махнул левой рукой, отбрасывая химерика, и тот с благодарным меком устремился под золото. В правой руке у лукоморца уже был меч.

— Ах, ты так... Будить... Меня... В пять... Утра... Да еще... На меня... Рычать... Кусаться... Задумал... Ах, ты... Мегера... Холера... Химера... Гад!

Вместе со словом «гад» на землю рухнула куча смешанного змеинно-львиного фарша.

— Гавкать он на меня еще будет! — с презрением плюнул сверху Волк, вытер о штаны меч и кинул его обратно в ножны.

— Эй ты, холерик, вылазь, ухайдакали мы твоего родственника. Дорога свободна. Масдай, спускайся. Высадить этого пассажира надо, — и, не дожидаясь ответной реакции, Серый снова нырнул под свои самородки.

Ковер мягко опустился рядом с норой. Через пять минут Волк с плененным, но не смирившимся химериком в руках выбирался наружу.

Где его уже с нетерпением поджидали.

Протяжный вой огласил застывшие в ужасе окрестные горы. Это химера своей змеиной головой размером с маленький гроб с размаху налетела на

валуны, под которые долей секунды раньше успел юркнуть Волк, соревнуясь в скорости с Мекой.

— У-у-у-у!!!.. — стала жаловаться тварь, медленно размахивая тяжелой башкой. Огромные кривые когти львиного тела заскребли землю.

— Эх, и развелось вас тут!.. — разнеслось веселым эхом над скалами.

Это на вершину своей золотой горы выскочил Серый, готовый к бою. — Иди-ка сюда, скотинка!

Химера замолчала и задрала голову, пробуя воздух раздвоенным змеиным языком.

— Я здесь, чучело! — помахал ей рукой Волк.

Обиженно взревев, чудовище, оттолкнувшись от земли мощными львиными лапами, одним прыжком взлетело на вершину самого дорогого холма в мире, но тут же, прикусив ядовитыми зубами черный язык, кубарем покатилося вниз.

Причиной его смерти, однако, послужило не это. Из груди, из самого сердца, у него торчала рукоятка лукоморского меча. С ним оно и скрылось, перевалившись через край тропинки в пропасть.

— Э-э-эй!!! Меч отдай!!! — у Серого всю радость от победы как рукой сдуло, как сказал бы почетный филолог Мюхенвальдского университета Шарлемань Семнадцатый. — Меч отдай, холера!.. Химера!..

Возмущенный Волк с риском для жизни

перегнулся через край обрыва и попытался разглядеть, куда упало оружие — но на дне ущелья, сверху казавшегося бездонным, клубился непроницаемый туман.

— Чтоб тебя кошки съели! — в сердцах выругался отрок Сергей. Без меча он чувствовал себя раздетым. — Урод!

И застыл.

Потому что из зловещих глубин темной норы за его спиной послышался не то шум проходящего поезда, не то низкий рокочущий рев какого-то зверя. Какого — Серый выяснять не захотел.⁹

Что на его месте сделал бы сейчас Иван? Ноги, безусловно.

К лешему, в таком случае, Ивана. Я от этой твари бегать не буду.

Или тварей?

Или буду?..

Идея пришла простая и ясная, как удар кирпичом по голове.

Серый метнулся вправо, влево, лихорадочно огляделся — нет, всё не то! Кругом были или отвесные гладкие стены неприветливых скал, или мелкая осыпь, не крупней жердели.

Из норы снова донесся рев, и, казалось, он

⁹ Зачем выяснять то, что ясно и так?

был уже значительно ближе к поверхности, чем хотелось бы.

— А-а-а, провались земля и небо!.. — отчаянно махнул рукой Волк и скомандовал: — Масдай, быстро к дыре и наклонись!

В кои-то веки, ковру дважды повторять не пришлось. В мгновение ока он приподнялся, и сложившись желобком, как дорожка в боулинге, выгрузил сергиев клад прямо в приближающееся рычание.

Маленький химерик едва успел шмыгнуть на землю.

Тяжелые камни с грохотом покатались по узкому проходу вниз, и рев невидимого пока монстра перешел в вой, а потом и в визг, становившийся с каждой минутой все глуше, что наводило на мысль о том, что увидеть его на поверхности так будет и не суждено.

Когда все стихло, Серый прислушался. Ничего. Полная тишина. Хорошо-то как...

Теперь можно и подумать, что ж такое я натворил.

После недолгих калькуляций он обнаружил у себя в активе как минимум тридохлых чудища и безмерную благодарность местного человечества, а в пассиве — меч и несколько центнеров золота. Причем одно из чудовищ и благодарность были весьма абстрактными, а материальные потери —